

18+

Наталья
Владимировна
Власова

**Стойкая
оловянная
Зельда**

Наталья Власова

Стойкая оловянная Зельда

<https://litres.ru/70975408>

ISBN 9785006436596

Аннотация

История о первой и последней любви стойкой еврейской девушки Зельды в Минском гетто во времена Великой Отечественной войны.

Несмотря на исторический перенос в тяжелое военное прошлое, рассказ не изобилует историческими фактами, а адресован широкому кругу читателей, так как в большей мере поднимает вопросы страха смерти, человека в поисках смысла и великой любви к жизни и людям. Памяти жертв Минского гетто посвящается.

Стойкая оловянная Зельда

Наталья

Владимировна Власова

© Наталья Владимировна Власова, 2026

ISBN 978-5-0064-3659-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта история произошла более десяти лет назад, когда я, будучи студенткой второго курса, ранней весной навещала после занятий свою бабушку. Бабушка тогда болела раком, и нам было неясно, сколько дней нам отведено на то, чтобы поговорить по душам и проститься навсегда. Я запомнила то гнетущее состояние тревоги о близком, то ощущение, что ты подспудно ждешь и боишься, когда настанет тот переломный момент ухода, это тягостное время, когда твой близкий угасает, как свечка, а тебе лишь остается по крупицам наслаждаться теми неделями, которые отмерены тебе с ним, насколько это возможно. Мы и старались жить тем днём, теми разговорами, взглядами. Так вот, одним весенним дождливым днем я пришла к бабушке в гости и вижу, что она сидит и смотрит старый советский мультфильм «Стойкий оловянный солдатик».

ный солдатик». Я положила ключи на комод и мимоходом пошутила, что в первый раз вижу, чтобы она смотрела детский, пусть даже и очень хороший, но мультфильм. Я повернулась к ее лицу, а в ее глазах стояли слезы.

— Ты знаешь, я ведь жила как все, тяжело работала, куда-то все бежала, что-то делала для семьи, для всех. Так всю жизнь, без оглядки. А сейчас, наедине с болезнью и надвигающейся на меня вечностью, я вспомнила одну историю. Случайно увидела по телевизору этот мультфильм и поняла, что что-то подобное слышала много лет назад от одного мужчины. Я тогда была беременна Таней, и это был 70-й год. Я зарабатывала медсестрой на участке, беременность шла хорошо, я пыталась многое успеть, многих обойти на дому, кому укол, кому рецепт, кому просто нужен был человек выслушать, поддержать за руку. Шла после работы уставшая, ноги гудели. Погода стояла прекрасная, все цвело, пело, и хотелось жить. И тут, проходя мимо Кальварии, я увидела хорошо одетого мужчину лет на 15—20 старше меня. Он был явно командировочный, столичный, может быть, с Москвы или Ленинграда, но был как-то по-детски растерян. Я подумала, что он потерялся в незнакомом городе и решила подойти спросить этого гражданина, не нужна ли ему помощь. Но повернувшись лицом к нему, увидела на его лице такую

скорбь и слезы, что просто растерялась. Я с сочувствием посмотрела на него, и так как мы стояли возле кладбища, единственное, что пришло мне в голову, спросить:

— У Вас тут кто-то похоронен?

Мужчина вышел из того детско-растерянного состояния, улыбнулся с грустью мне и моему животу и сказал, что где-то тут лежит вся его семья, его первая любовь и многие минские друзья его детства. Он снял шляпу и присел на лавочку. Я машинально присела вслед за ним.

— Вы знаете о том, что Кальварийское кладбище было краем Минского гетто во времена Отечественной?

Я ему рассказала о том, что я войну толком не помню, была ребенком, и мы жили не в Минске, а в деревне, и вообще перебрались с мужем в Минск около 10 лет назад, и я многого не знала.

Он грустно вздохнул, сказал, что всю войну пробыл сначала в Москве, потом в эвакуации, в Ташкенте, хотя сам коренной минчанин, родился и учился тут.

Я очень удивилась тому, что он рассказал мне, в советское время как-то не особенно я помню, чтобы говорили о том,

что было гетто в центре сегодняшнего Минска, что тысячи советских и свезенных со всех стран фашистами евреев были жестоко убиты, замучены и расстреляны по лесам, домам, улицам. Я тогда слушала об этом вполсилы, думала, что нам об этом обязательно бы рассказали. Да и почему именно такая ненависть к евреям, я понять толком не могла. Мы все были советские люди, нас всех растили как один советский народ и понять, что твоего соседа могли убить только из-за того, что он носит необычную фамилию, я искренне не могла. Я и сама была темненькая и черноглазая, так что, получается, и меня могли убить за цвет волос и глаз?

Это только потом, когда ты родилась, внученька, где-то к концу перестройки и в 90-е годы стали активно поднимать эту тему, и тот мужчина, которого я встретила двадцать лет назад на Кальварии, говорил чистую правду. Просто, наверное, всему свое время, я не знаю, что даже и сказать...

— Так, а что именно он рассказывал? Почему история стойкого оловянного солдатика у тебя вызвала эти давние воспоминания?

Бабушка прилегла и смотрела куда-то вдаль или вглубь себя, вызывая воспоминание на разговор.

— Ты знаешь, ведь эту историю я никому не рассказывала.

С твоим дедушкой было как-то странно делиться, почему-то неловко. Ведь я тогда сомневалась в том, что он рассказал, помнишь, я говорила, что в 70-е мы не слышали ничего о гетто, был просто подвиг советского народа, немцы люто ненавидели всех нас, потому что мы были коммунисты. Это тоже была правда. Но не вся. Оказалось, что лютее коммунистов они ненавидели евреев. Почему, за что? Но я не обрывала рассказ этого мужчины: мой медсестринский опыт говорил мне, что наравне с лечением человеку немаловажно выговориться, облегчить душу, вскрыть нарыв, чтобы уменьшить боль на сердце. Я внимательно его слушала.

#

— Я уезжал из Минска, будучи подающим надежды художником. А приехал в Минск сиротой, хоть и успешным всесоюзным художником. Что из этого оказалось важнее — семья, карьера? Карьера спасла мне жизнь, отвела от гетто, но я так и не увидел своих близких. Мне даже некуда положить цветов на могилу, ее попросту нет! Есть могила неизвестного солдата, но братской могилы неизвестного, невесты почему замученного до смерти гражданского, нет. Поэтому я здесь. Больше не знаю, куда идти, где мой мемориал, где преклонить колени и помолиться? Мой отец был известным минским художником-оформителем, я решил, что пойду по его стопам и стану даже лучше, ведь учиться буду в Москве.

Помню, меня провожали тогда мама, старшая сестра и отец. Семья для молодого человека — это как некая база, само собой разумеющееся, мне не было сложно тогда прощаться с ними. Но кто же знал, что прощаюсь навсегда? Но сердце все же щемило оттого, что я уезжаю от Зельды. Я был влюблен в одну еврейскую девочку со двора, дочку врача Иммануила Исааковича. Да, она меня не любила, видела во мне только друга, но ведь я-то — да! Я всегда восхищался ей, сердце замирало, когда я видел ее в парке или во дворе дома. Она была какой-то неземной, воздушной, мягкой и доброй. Ее красота была во всем. О, как я сожалею, что был так робок и не осмелился предложить ее нарисовать! Мой друг Ленка, к слову, к которому я и приехал в Минск, рассказал мне ее историю сегодня. Я ведь толком не знаю кончины своих близких, а то, что Зельда, душа моя, покоится где-то рядом, я услышал от него впервые. Я очень надеялся, что судьба занесла ее в эвакуацию, что ей удалось сбежать, спастись, и она где-то танцует для себя и своего зрителя. Увы, жизнь обошлась с ней так же жестоко, как и с моей семьей. Ее отца убили в первые дни войны, скорее всего в лагере для военнопленных в Масюковщине, он помогал раненым солдатам, и их госпиталь попал в окружение под Минском. Там, в лагере для военнопленных, отобрали мужчин по расовому признаку, и под самые первые расстрелы как раз и попали мужчины-евреи: офицеры, инженеры, бухгалтеры, врачи — та интеллектуальная верхушка, которая имела, по мнению нем-

цев, наибольший потенциал к сопротивлению и организации между собой. Неизвестно, знала ли Зельда о смерти отца тогда. Думаю, да, потому что часть тех евреев-мужчин, которых задерживали во время первых облав, поначалу отправляли в фильтрацию в лагерь для военнопленных, часть расстреляли, часть конвоировали в гетто на работы. Так Зельда осталась одна со своим дедушкой. Как рассказывал мой друг Ленька (он всю войну был в подполье, партизанил и сам чудом спасся), немцы, как только зашли в город, ввели комендантский час, обязали всех евреев обозначать себя и сдать излишки имущества в провозглашенный городской еврейский орган самоуправления юденрат, который по сути являлся фикцией: многие в юденрате думали, что пойдут на сотрудничество с оккупационной властью и смогут как-то с ними договориться, но по факту, для нацистов, это был орган управления, слежения и контроля за еврейским городским населением, коей значительной частью и был Минск. Большинство евреев-стариков, помнивших еще немцев со времен Первой Мировой, успокаивали людей, уверяя, что ничего страшного не будет, немцы очень дисциплинированные и культурные люди, хотят навести порядок и организовать таким образом быт. Тем, кто приезжал с территорий Польши и рассказывал о тех зверствах, которые уже успели натворить немцы на оккупированных территориях в основном среди еврейского населения, мало кто поначалу верил. Тут либо сказывалось то, что в СССР не было такого понятия,

как антисемитизм, и это считалось дурным черносотенным наследием царизма, либо поколение, помнящее еврейские погромы в царской России, было уже немногочисленным, и интеллигентное большинство старейшин и мысли не могло допустить о возможном страшном насилии, притом, что большинство гражданского еврейского населения было беспартийным: простыми работниками, торговцами, портными, врачами, домохозяйками, учителями, и не имели отношения к коммунистической партийной номенклатуре, которую хотел извести фашистский режим здесь, на местах. В общем, никто и помыслить не мог о том, что все обернется такой трагедией, имя которой Холокост. Уже к середине лета немцы стали создавать гетто — начали зачистку еврейского населения от остальных, создавались целые кварталы, куда методично регистрировали и свозили еврейские семьи. Туда и попали Зельда с дедушкой. Их поселили в детском саду в Санитарном переулке. Потом рядом, поздней осенью 41-го, здесь появится зондергетто. Всех заставили носить желтые нашивки, которые должны быть плотно пришиты к одежде спереди и сзади, номера своих домов. За порядком следили местные и приехавшие с соседних республик бригады полицаев. Местные поначалу контролировали спустя рукава, и им было неохота проявлять какую-то агрессию ко вчерашним соседям. Многим еще на этапе формирования гетто благодаря слабой организации контроля поначалу удалось бежать. Среди них и был мой Ленька. Молодому еврейско-

му парню было крайне небезопасно находиться там, что бы ни говорили старейшины. Тем более коммунисту. Немцы не ожидали, что белорусы действительно в большинстве своем мирно сосуществуют с евреями. Они полагали, что дай только волю развязать антисемитские настроения, пойдут массовые еврейские погромы руками местного населения, как это было в других оккупированных странах. Но такого не произошло. Однако со временем жесткая дисциплина, спускающаяся сверху, и круговая порука сделали свое дело: за помощь евреям, за сокрытие их детей начали публично вешать и расстреливать целые семьи. И многие испугались. Многие стучали. Сосед на соседа, даже хуже — на детей. Делалось из страха, желания заработать какое-то особое положение. Придумывались абсурдные нормы поведения для евреев. Доходило до такого, что евреи не имели права перемещаться по тротуару, за что немцы и полицаи прямо расстреливали на улицах.

Зельду и Лею, ее соседку по садовскому барaku, устроили на завод копировальщицами. Дедушка Зельды присматривал за сыном Леи, ухитряясь каждый день чем-то занять полуголодного трехлетнего малыша, а также чинить одежду себе и соседям. Первый страшный погром случился через месяц. Пока основная часть населения гетто была на работе, за детьми, больными и стариками пришли. Поползли слухи о том, что женщин, стариков и детей вывозят из гетто на

грузовиках-душегубках куда-то под Минск. Их даже не хоронят. Лея была вне себя от страха за сына, и все думала, как ему и бабушке обустроить малину на время ее отсутствия. Не работать она не могла — это верная смерть для них от голода, так она хотя бы могла делиться пайком и хоть что-то разменять и купить у местных, которые торговали и меняли провизию на Опанского.

Зельда жила как в тумане, она придумала себе свой мир внутри себя и не могла поверить в то, что ее прекрасное детство кончилось, а молодость, где ее прочили одной из лучших балерин, так и не успела начаться. Сил танцевать у нее не было, она замерла в каком-то ужасном моменте и долго не могла принять то, что видела вокруг. Все ей казалось каким-то фальшивым. Как такое может произойти, где ее отец, где ее судьба, почему ее полет, полный радости и любви к миру, обрывается? Она часто по вечерам сидела с бабушкой, Леей и ее маленьким сынишкой Залманом. Она запускала руки в мелкие кудряшки Залмана, гладила его по голове. Малыш спал, так проще было переносить голод и скученность людей. Она стеснялась говорить с бабушкой о своем девичьем горе, о неизведанном счастье любить и быть любимой. Ей было жутко страшно за Залмана, еще больше, чем за себя, так как его жизнь только-только началась, и он толком

ничего не видел. Она сочувствовала Лее, как матери, давшей жизнь ребенку, как оказалось, так не вовремя. Но, как и любой молодой, еще толком не поживший человек, она сочувствовала еще больше себе — она в любой момент может умереть и не узнать, что такое любовь мужчины, что такое родить и вырастить ребенка, что такое прожить хоть чуточку так, как жили ее любящие мама и папа. Она вернулась на шесть лет назад, к слову, в гетто она попала, как только ей исполнилось 16 лет, а в воспоминаниях мерещилось ее 10-летие: папа забрал ее из балетной школы, мама накрыла на стол, бабушка встречает свою маленькую именинницу и с превеликой важностью и любовью достает из-за спины коробку с огромной лентой, а там — новые балетные туфельки — те, о которых она мечтала! Вечером они всей семьей идут на «Коппелию», и Зельда уже видит: еще каких-то пару лет, и она точно поступит в училище, ее хвалят педагоги, ее трудолюбию и технике можно только позавидовать. Новое здание Театра оперы и балета было тогда главным компасом всей минской интеллигенции, о нем часто говорили, на спектакли было сложно достать билеты, и многие девчонки того времени были в восторге от Клавдии Калитковской, новой звезды белорусского балета. Зельде даже удалось взять у нее автограф после спектакля, где их, девчонок балетной школы, задействовали в массовке в неответственных ролях на одном из спектаклей. Зельда всегда считала, что в трудовой стране, как СССР, каждому достается по труду и заслугам, спра-

ведливость и честность превыше всего. Так, она видела, как трудится ее отец в военном госпитале, оперирует и читает лекции. Мама работала не покладая рук портнихой, ее чувство вкуса и перфекционизм в деталях, приводили в дом все новых и новых клиентов и клиенток. Были даже заказы из Киева, Одессы, Москвы. Мама раньше работала костюмером в театре, но когда появилась Зельда, долгожданный и поздний цветочек, мама решила уйти из театра, посвятив себя поначалу полностью дочке, а потом, по мере того как Зельда росла, становилась все автономнее и взрослее; мама, будучи мудрой женщиной, которая не хотела задушить в объятиях своей поздней материнской любви дочку, постепенно вернулась в профессию и нашла новый и очень прибыльный виток своей карьеры. Бывало порой, что мама Рева получала больше своего мужа, хотя оба практически пропадали по будням, только по субботам воссоединяясь вместе за одним большим столом — Зельда, мама, папа и дедушка Эфраим, мамин папа. Зельда всегда была так увлечена балетом и поддержанием себя в соответствующей спортивной форме, как любая советская девчонка, она мечтала приносить пользу обществу, каждая ее минута была расписана, ей некогда было остановиться и погрезить о чем-то. Вот она и не заметила того, что пара Левкиных глаз, соседа по лестничной клетке, сына художника, стала смотреть на нее как-то иначе. А может, и заметила, но не придала тому значения. Ну подумаешь, пару раз проводил, может быть, он это по-дружески? Мама кача-

ла головой и прищуривалась, спрашивая, не льстит ли ей это внимание? Но Зельде тогда было 14 лет, Левке чуть больше, да и какой толк в этом? Ей скоро поступать, ему тоже, да и он собирается уезжать в Москву, в свою художку. Есть ли смысл разводить пустые разговоры, мы все идем своей дорогой. Мама гладила Зельду по голове, говорила, ну раз так, то будет так. Не пришло твое время еще, доченька...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.